Записки Санкт-Петербургского горного института. 1995.
Том 140

В.Н.ВОЛОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В период перехода от командной экономики к рыночной самой запутанной и в то же время актуальной проблемой оказалась проблема приватизации государственной или, как еще в недалеком прошлом ее именовали, общественной собственности. Спустя два с лишним года после начала радикальной экономической реформы вопрос о приватизации собственности перешел из сугубо теоретической плоскости в конкретную экономическую реальность, затронувшую материальные и социальные интересы десятков миллионов людей. Сам процесс приватизации обрел экономическую и правовую основы. Наряду с законом "О приватизации государственных и муниципальных предприятий" в Российской Федерации уже реализуется вторая Государственная программа по приватизации собственности. Однако в решении этой проблемы наблюдается множество противоречивых тенденций и нерешенных задач как в теоретическом, так и в практическом плане. Отсутствие в стране всесторонне разработанной, глубоко аргументированной научной концепции перехода к рынку наложило негативный отпечаток и на проблему приватизации государственной собственности. Очевидно, что сама по себе приватизация автоматически не может решить ни экономических, ни социальных задач. Опыт западных стран показывает: приватизация ни в коем случае не должна рассматриваться как самоцель, это лишь одно из средств достижения эффективности производства и углубления мотивации труда всех участников (а не только новоявленных предпринимателей) общественного производства. Именно этими задачами и обусловлена ее историческая востребованность и необходимость. В определенные исторические периоды приватизация и ее социально-экономический антипод - национализация - могут меняться местами. Так, в послевоенные десятилетия в западных европейских странах наблюдался активный процесс национализации частной собственности. В отдельных рыночных странах (во Франции, Австрии, Италии) государственный сектор экономики составлял 30-60 %. В 70-е годы начался обратный процесс - приватизация государственной собственности. И то и другое было вызвано не столько желанием изменения форм собственности (а следовательно, и статуса собственника), сколько необходимостью повысить эффективность общественного производства. В рамках смешанной (рыночной) экономики должны соблюдаться следующие непреложные принципы: I) экономическое и правовое равенство всех форм собственности;

2) учет в становлении и развитии той или иной формы собственности (государственной, частной) не только уровня реального обобществления производства, но и национально-исторического фактора, включая сложившийся менталитет населения.

Одной из ошибок отечественных реформаторов является абсолютизация частной формы собственности - отсюда преждевременный уход государства из экономики. В стране, где 90 % средств производства приходилось на государственную собственность, эта собственность была, по существу, брошена самим собственником (беспрецедентный случай в мировой истории) на произвол судьбы, а если называть вещи своими именами, на разграбление и растаскивание государственно-хозяйственной номенклатурой и представителями теневой экономики. Этого, по существу, не скрывают и сами реформаторы. "Структуры, которые имеют власть, - заявил А.Чубайс 21 марта 1994 г. на предпарламентских слушаниях в Государственной думе, - обменяют эту власть на собственность" [3, с.2].

Объективно обусловленный процесс разгосударствления собственности был заменен обвальной приватизацией. Разграничение таких экономических понятий (категорий) как разгосударствление и приватизация имеет не только сугубо теоретическое, но и практическое значение.

Разгосударствление есть процесс создания в той или иной стране различных форм собственности (государственной, коллективной, частной) на средства производства. Именно в процессе разгосударствления собственности решается вопрос (с учетом социально-экономической эффективности) об удельном весе в структуре экономики той или иной формы собственности и ее правовом статусе. При таком подходе приватизация как процесс создания частной собственности выступает лишь составной частью разгосударствления, а не наоборот. Одной из причин глубокого экономического кризиса, в котором в переходный период к рынку оказалось наше общество, как раз и является искусственная замена процесса разгосударствления собственности процессом ее обвальной приватизации, ошибочным представлением о частной собственности как наиболее эффективной форме собственности. В данном случае произошла простая подмена одного экономического понятия другим. Как показывает долгая история развития национальных экономик, в основе повышения эффективности производства лежит не столько форма собственности, сколько форма хозяйствования, а в условиях смешанной экономики - исторически выверенное (с учетом национальных особенностей конкретной страны) соотношение между различными формами собственности (прежде всего государственной и частной формами собственности). Доказательством того, что без экономически целесообразных форм хозяйствования сама по себе частная форма собственности не может привести к высокой эффективности производства, является общеизвестный пример со странами Латинской Америки, где частная (в том числе частно-капиталистическая) собственность на средства производства была и остается определяющей на протяжении столетий. Однако эффективность производства (а следовательно, уровень жизни населения) в этих странах на порядок ниже, чем в развитых капиталистических государствах. Свежий пример из новейшей истории -

Китай, где темпы развития производства, экономический рост более чем в 3 раза превышают аналогичные показатели высокоразвитых рыночных стран. Только в 1993 г. такой важнейший показатель, как ВНП, в Китае был выше на 13 % по сравнению с 1992 г., а промышленный рост за этот период составил 20,4 % [2, с.6]. Как известно, в странах СНГ указанные показатели имеют отрицательный знак.

"Китайское чудо" произошло не по мановению волшебной палочки, а благодаря продуманной концепции разгосударствления собственности. Китай не пошел по пути огульного отрицания государственной собственности, понимая экономическую и социальную опасность подобного шага. О том, что в рамках рыночной экономики государственная собственность не только не противостоит, а по уровню эффективности производства часто не уступает частной форме собственности, говорят примеры развития государственного сектора (причем на протяжении многих десятилетий) развитых рыночных стран. Особенно показателен в этом плане пример Италии, где традиционно высок удельный вес государственного сектора: в настоящее время на его долю в целом по народному хозяйству приходится 42 %, в том числе в промышленности 30 % [4, с.6]. Аналогичная картина наблюдается во Франции, в Австрии и в других западных государствах.

Неэффективность приватизации государственной собственности в странах СНГ объясняется не только ее обвальностью, заменой процесса разгосударствления процессом приватизации, а государственной монополии – частной, но и пренебрежением к таким реальностям, как фактор времени, экономические этапы приватизации. Постепенность, экономическая выверенность – вот что, в первую очередь, отличает процесс приватизации государственной собственности в западных странах по сравнению со всеобщей приватизацией в странах СНГ, особенно в России. Показателен в этом плане пример Великобритании, где с 1979 г. по настоящее время было приватизировано лишь 46 основных видов бизнеса [1, с.75]. Количество приватизированных крупных фирм и предприятий можно пересчитать по пальцам.

Тот экономический беспредел (обвальное падение производства, отсутствие государственных и частных инвестиций, всеобщие неплатежи товаропроизводителей), с которым столкнулось отечественное производство, обусловлен еще и тем, что в процессе приватизации умышленно были обойдены объективно обусловленные экономические этапы, прежде всего этап коммерциализации государственных производственных предприятий. Именно на этом этапе у предприятий вырабатывается своего рода рыночная психология, поскольку большинство государственных предприятий в этих условиях осуществляет расширенное воспроизводство за счет собственных накоплений. Предприятия в данном случае действуют по принципу полного хозяйственного ведения, а государство лишь формально выступает в качестве субъекта собственности. Приватизация же предприятий (средних, крупных), минуя этап коммерциализации, приводит к тому, что меняется формально только субъект собственности, формы же хозяйствования остаются прежними. Причем в этом случае часто происходит простая замена государственной монополии на частную. При отсутствии четко

отработанного антимонопольного законодательства частная монополия становится более опасной, чем государственная. Появляется неограниченная возможность извлечения монопольной прибыли на основе монопольно высоких цен на продукцию данной фирмы. Именно это мы и наблюдаем в настоящее время в российской экономике.

Вышеперечисленные условия можно обозначить как априорные социально-экономические условия приватизации государственной собственности, несоблюдение которых и привело демократизирующееся общество к глубочайшему экономическому кризису.

Как уже было сказано, приватизация не может рассматриваться как некая самоцель, как простая замена одной формы собственности другой. В процессе приватизации одновременно решается двуединая экономическая задача повышения эффективности производства через углубление мотивации труда работников производства. Последний аспект вообще выпал из поля зрения отечественных реформаторов. Их приватизационная цель состояла в поиске богатого единоличника - собственника, который бы явился, по их версии, настоящим хозяином на производстве. Здесь сказалось непонимание реформаторами сущности и социальной направленности современных форм частной собственности - их социализации. Последнее находит выражение в том, что в классическом выражении частная собственность выступает лишь в рамках единоличного хозяйства, т.е. в сфере так называемого малого бизнеса. Что же касается средних, особенно крупных предприятий и фирм, то здесь собственность давно уже стала анонимной, поскольку собственником того или иного предприятия, корпорации выступает множество физических и юридических лиц. И даже группа лиц, обладающая контрольным пакетом акций, не является частным собственником в собственном смысле слова. И уж совсем не собственники реально обеспечивают эффективность производства на том или ином предприятии или фирме. Эффективность обеспечивают прежде всего работники той или иной корпорации, начиная от высших менеджеров (управляющих фирмой) и кончая рядовым инженером или рабочим.

Социализация частной формы собственности в западных странах как раз и привела к необходимости углубления мотивации труда работников производства, а не к поиску неких мифических индивидуальных собственников средних, а тем более крупных предприятий или фирм. Именно социализация частной собственности вызвала необходимость нацеления ею (в рамках частно-коллективной формы) непосредственных работников производства. В настоящее время более чем в 70 странах мира активно внедряется форма частно-коллективной собственности работников производства: существует серьезная законодательная основа по развитию и укреплению этой формы собственности. В США 19 тысяч фирм используют частно-коллективную собственность работников производства, в Англии несколько десятков фирм уже принадлежат (частично или полностью) их работникам. В Испании треть промышленных предприятий принадлежит работникам производства. Причем указанная форма собственности используется не только на средних, но и на крупных предприятиях, фирмах и корпорациях: "Край-

слер", "Полароид", АВИС-компания по предоставлению в аренду автомобилей [6, с.6I-62]. Практика хозяйствования на основе наделения реальной собственностью ни каких-то мифических лиц, в том числе толстосумов, а работников производства показывает, что в этих условиях на предприятиях, фирмах резко (в некоторых случаях в 4-5 раз) растет производительность труда, а следовательно, и эффективность производства. Обычно противники собственности работников производства приводят неоправдавший себя вариант функционирования народных предприятий в бывшей Югославии и, как крайний случай, - пример с нашими колхозами. Но ни то, ни другое никакого отношения не имеет к собственности работников производства. Во-первых, ни народные предприятия Югославии, ни тем более наши колхозы не представляли собой частно-коллективную форму собственности, где каждый работник то ли в виде акций, то ли в виде пая имеет свою долю собственности в рамках данной хозяйственной единицы. Ни народное, ни коллективное (в собственном смысле слова) предприятие не допускает персонификации своей собственности. Это главное отличие коллективной формы собственности от частно-коллективной. Второе, не менее важное отличие - все существовавшие в бывших социалистических странах коллективные формы собственности представляли собой по существу разновидность государственной собственности. Частно-коллективная собственность работников производства - это негосударственный сектор экономики. Подобного отличия как раз и не поняли наши реформаторы, осуществляя приватизацию государственной собственности.

Основным социально-экономическим противоречием социалистической (общенародной) собственности явилось отчуждение работников производства (при их формальном статусе собственника) от средств производства и продукта труда. Вся перестроечная кампания была направлена на поиски путей и форм реального соединения непосредственных производителей со средствами производства, чему и соответствует используемая на Западе частно-коллективная форма собственности на средства производства и продукты труда.

Собственность работников производства в рамках того или иного производственного образования носит устойчивый характер. Те акции, которыми наделяется конкретный работник производства по своему статусу, по существу, являются внутренними акциями. Они не могут быть проданы на сторону. При увольнении работник производства передает причитающийся ему пакет акций в созданный на данном предприятии (фирме) траст-юридическое лицо, занимающееся всеми операциями по акциям, находящимся в собственности работников предприятия (фирмы). Это важная особенность системы ESOP. Она в корне отличается от акционерной формы собственности, которая в процессе приватизации внедряется в нашей экономике. Как в Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации в 1992 г., так и в новой Программе приватизации, которая вступила в действие с I января 1994 г., те акции, которыми наделяется (или которые приобрел) работник производства, могут свободно продаваться и покупаться любыми лицами, а не только работниками данного предприятия. В этом случае даже если трудовой коллектив приобрел контрольный пакет акций, в течение года, двух лет (как

показывает тот же опыт западных стран) эти акции могут перейти в руки посторонних физических или юридических лиц. Таким образом, подобную форму собственности (при всей ее кажущейся схожести) нельзя рассматривать в качестве полноценной частно-коллективной формы собственности. Следсвательно, в данном случае не выполняется одна из важнейших экономических задач приватизации - углубление мотивации труда непосредственных производителей, без чего не выполнима и основная задача приватизации государственной собственности - повышение эффективности производства.

На приватизированных средних, а тем более крупных предприятиях, которые превратились в соответствии с государственными программами приватизации в открытые акционерные общества, рабочие, ИТР не почувствовали себя ни собственниками, ни хозяевами. Поэтому эффективность производства на этих предприятиях (акционерных обществах) не только не выросла, но и во многих случаях резко упала. Чувствуя свою непрочность как собственников, рабочие, не успев приобрести акции своих предприятий, их продают, так как наличие у рабочего нескольких акций без устойчивого сохранения всей или большей части активов акционерного общества в руках трудового коллектива не делает его реальным собственником, а превращает работника в еще большей степени, чем в рамках социалистического предприятия, в бесправного работника наемного труда [8, с.4].

Абсолютизация отечественными реформаторами форм частной собственности и их стремление в процессе приватизации любым способом передать собственность в руки отдельных лиц - новых буржуа, а не трудовым коллективам (в персонифицированной форме) привели к жесткому сужению ее форм, а по существу к моноформе - созданию только (имеются в виду средние и крупные предприятия) акционерных обществ открытого типа, что нашло однозначное отражение в обеих программах по приватизации собственности. Именно из-за идеологических соображений была отброшена такая форма приватизации, как передача в аренду государственных и муниципальных предприятий. А ведь аренда давала возможность любому предприятию, включая убыточные предприятия, через коммерциализацию своей производственно-хозяйственной деятельности эволюционно перейти к частно-коллективной собственности работников того или иного предприятия (фирмы). Это же можно сказать и о закрытых акционерных обществах, создание которых (имеются в виду опять же средние и крупные предприятия) не предусмотрено государственными программами по приватизации. Идея народного капитализма, в основе которой лежит частно-коллективная собственность работников производства, нашла свое эффективное материальное воплощение в деятельности некоторых отечественных производственно-коммерческих структур: НТК "Микрохирургия глаза", концерна "Гермес". Крупный ученый и не менее опытный бизнесмен С.Н.Федоров, возглавляющий НТК "Микрохирургия глаза", категорически выступает против огульной приватизации, а также против передачи собственности в руки крупных нуворишей. Он сторонник создания закрытых акционерных обществ как основы построения в России народного капитализма. Такой же точки зрения придерживается и президент знаменитого

концерна "Гермес" В.Неверов. "Простые акционеры, - говорит он, - более надежные и верные партнеры. У концерна сейчас два с половиной миллиона вкладчиков" [5, с.5].

Кстати, ставка на крупную буржуазию (крупного индивидуального собственника) не оправдала себя ни в одной постсоциалистической стране. Ни в Польше, ни в Венгрии, а тем более в России не нашлось индивидуальных собственников (даже с учетом их криминального прошлого), которые смогли бы в свою частную собственности приобрести хотя бы одно крупное предприятие (например, ЗИЛ или Кировский завод). В 1991 г. население СССР с учетом денежных накоплений могло реально выкупить только 1 % национального богатства, а после обесценения банковских вкладов населения и того меньше. Это еще раз говорит о том, что в начале приватизации государственной собственности нужно было ориентироваться не на поиски богатого единоличного хозяина - собственника, а на трудовые коллективы, на работников производства, в ведении которых собственность фактически и находилась. Если бы в процессе приватизации использовались разнообразные ее формы (по выбору самого трудового коллектива): создание закрытых и открытых акционерных обществ, а в отдельных случаях (для убыточных предприятий) - народных (коллективных) предприятий,- структурная перестройка экономики уже приносила бы реальные плоды. Промышленность избежала бы резкого спада производства, финансового коллапса с неплатежами. Экономика страны в этом случае не оказалась бы на грани массового банкротства производственных предприятий. Говоря о приватизации государственной собственности, нельзя обойти вниманием и "ваучерный" вопрос. Идея наделения в процессе приватизации собственностью каждого жителя страны, на первый взгляд, может показаться весьма привлекательной и по своей направленности поистине народной. Вот где, казалось, можно было в полной мере осуществить принцип социальной справедливости. Однако в данном случае во весь рост встает вопрос: могут ли реально одновременно стать собственниками национального богатства - средств производства - все жители страны. Ответ однозначно отрицателен. Причина проста: фактически средствами производства в конкретный период времени и владеют, и пользуются работники того или иного производственного коллектива, о чем шла речь выше. Их правосубъектность объективно обусловлена самим процессом производства. Остальные же лица, находящиеся за пределами производства, если они не располагают серьезным капиталом (даже если в обмен на ваучер они получат несколько акций), безусловно реальными собственниками средств производства не были и не могут быть. Вот почему акция с ваучерами с самого начала носила сугубо популистский характер и была направлена на то, чтобы отвлечь внимание населения (сделав его номинально участником процесса приватизации) от передачи собственности в руки, как уже было сказано, номенклатурно-теневых дельцов.

Ваучерная эпопея, с точки зрения народной приватизации, могла себя оправдать при одном условии - если бы она была рассчитана не на большую приватизацию (акционерное общество), а на малую. В этом случае необходимо было, во-первых, значительно повысить номинальную стоимость приватизацион-

ного чека (10000 рублей в условиях гиперинфляции – это вообще не стоимость); во-вторых, объекты малой приватизации (ателье, магазины, столовые, парикмахерские и т.д.) нужно было раздавать не на аукционе, где деньги выкладывают всякого рода нувориши, а продавать на конкурсной основе за ваучеры. В этом случае многие из тех, кто не работает на каких-либо предприятиях, могли реально стать, индивидуально или на партнерских началах, собственниками объектов малой приватизации. А те, кто работал на предприятиях, стали бы собственниками своих предприятий. Это действительно была бы народная приватизация. Однако идеология реформаторов, как уже мы подчеркивали, была направлена не на наделение собственностью тружеников, а на передачу собственности новоявленным буржуа по принципу "деньги не пахнут".

Подобная приватизация не оправдала себя и с точки зрения пополнения государственной казны за счет денежных средств, полученных в процессе осуществления возмездной формы приватизации как объектов малой, так и объектов большой приватизации. Эти средства для государственного бюджета оказались сравнительно невелики. Более того, практика осуществления большой приватизации показала, что, с точки зрения повышения эффективности производства на приватизированных предприятиях, средства, вырученные от приватизации, необходимо было направлять не в бюджет, а на модернизацию производства непосредственно на приватизированных предприятиях, т.е. во вновь созданных акционерных обществах.

Ваучеризация оказалась одним из способов сосредоточения бывшей общенародной собственности в руках так называемых новых собственников (скороспелых буржуа), на что собственно и рассчитывали реформаторы. Даже та мизерная доля собственности, которую через ваучер мог приобрести отдельный гражданин, прошла мимо него. Многие граждане буквально за гроши продали свои ваучеры будущим собственникам – дельцам. Так, в Санкт-Петербурге, где сосредоточен огромный производственный потенциал, свыше 40 % держателей акций их просто продали [7, с.3]. Те же, кто доверил свои приватизационные чеки так называемым чековым инвестиционным фондам, вообще вряд ли в ближайшие годы получат какие-либо дивиденды, а если и получат, то по расчетам аналитиков не более 30-40 % годовых, что в условиях инфляции составит копейки. Может встать вопрос – для чего созданы были сами ЧИФы? Ответ не сложен: их создавали определенные финансовые группы, рассчитывая через ваучеры скупить приватизируемую собственность. И они добились своего, поскольку многие ЧИФы сосредоточили в своих руках огромные пакеты ваучеров, с помощью которых была приобретена значительная часть приватизированной собственности. Но имеет ли это отношение к народной приватизации? В настоящее время и реформаторы поняли всю бесплодность народной ваучеризации. Вот почему с 1 июля 1994 г. свою короткую жизнь ваучеры прекратили вообще.

Касаясь деятельности ЧИФов, необходимо отметить, что немало из них на глазах у государства занимались откровенной жульнической деятельностью: санкт-петербургские "Амарис" и "Реванш", московский "Нефть-алмаз-инвест" и др. Все это говорит о том, что те, кто занимался организацией приватизации

через приватизационные чеки, изначально ориентировали эту кампанию не на создание миллионов собственников, а на перераспределение собственности между новоявленными нуворишами. Конечно, определенная часть приватизированной собственности оказалась и в руках непосредственных производителей.

Главная экономическая задача в настоящее время - это организация эффективного производства на приватизированных предприятиях. И здесь без продуманной, научно обоснованной налоговой и кредитной политики государства не обойтись. Но это уже другая проблема, которая требует своего самостоятельного анализа и научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов Р. Антимонопольное регулирование и приватизация // Вопросы экономики. 1993. № 10.

2. Крушинский А. С китайской спецификой // Правда. 1994. 23 марта.

3. Лисичкин В. Нам подарок - от свечи огарок (Еще раз о приватизации) // Правда. 1994. 12 апреля.

4. Лукашенко О. Государственная собственность в странах развитой рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 10.

5. Пискарева Т. Ваши идеи нужны России // Правда. 1994. 23 марта.

6. Рутгайзер В. Приватизация в России: движение "на ощупь" // Вопросы экономики. 1993. № 10.

7. Сидорин В. Весна. Время дивидендов // Аргументы и факты. Петербург. 1994. № 12.

8. Стешенко О. Мы докатились до того, что не верим никому // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 30 марта.